

Евгения Горовая

Трехмница.
Костяная нога

Евгения Горовая
Преимница. Костяная нога

«Автор»

2026

Горовая Е.

Преимница. Костяная нога / Е. Горовая — «Автор», 2026

Любая заброшенная деревня – это дом, оставшийся без хозяина. Или хозяйки, которая не всегда представляет, какую ответственную миссию возложили на нее предки. Меня зовут Устинья. И я приехала в это Богом забытое место в голубых кедах и с одним рюкзаком на плече.

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Евгения Горвая

Преемница. Костяная нога

Глава

Глава 1

Чего я точно не ожидала увидеть в этой глуши, так это вполне ухоженную церквушку с острой крышей и большими сверкающими колоколами. Она возвышалась над почти стертой с лица земли деревней, выглядывая сквозь кроны вековых размашистых деревьев уверяя: «Не отчаивайся, уставший путник, тут есть Бог».

Мои голубые кеды нырнули в еще мокрую от дождя траву, а одна единственная узкая тропинка, протоптанная посреди заросших колхозных полей и покосившихся домов, печально глядевших на меня своими черными косыми очами, повела меня к родному дому. Влажный воздух обнимал вековые деревья, а зеленые в крапинку болота обрамлялись непроходимым бурьяном и рогозом, который когда-то манил всю окрестную детвору.

Меня зовут Устинья. Необычное имя я получила в честь прабабки, которая была уроженкой этих мест. Они не всегда были заброшенными. Раньше тут жили и трудились люди, ночами «переговаривались» собаки, а кошки вальяжно умывали свои усатые морды сидя на деревянных крылечках. Сейчас деревня напоминала дом, который остался без хозяина и отчаянно боролся за свое существование.

Дом прабабки находился в самом конце, недалеко от кладбища и густого леса. Жуткое местечко, скажу я вам. В детстве мне частенько казалось, что из-за необъятного скрипучего дуба, который раскинул свои мощные ветви прямо при входе в деревенский лес, мне улыбался забавный старичок. Он же мерещился мне на самых богатых урожаем полянках, когда мы с прабабкой ходили за грибами и ягодами.

Устиньи Федоровны не стало лет десять назад, когда мне было 24 года. Ей самой к тому моменту уже перевалило за сотню. Она за свою жизнь увидела революцию, войну, госпереворот и становление новой страны, в связи с чем ей было не привыкать к голоду, нестабильности и тщательному планированию жизни. Как выяснится, распланировала она и все даже после смерти.

Еще на похоронах деревенские украдкой поглядывали на меня, а беспардонная баб Валя, узлом закидывая руки за спину и шлепая беззубым ртом, бубнила, что мне теперь за все отвечать. Мама махала руками и ядовито оценивала каждого персонажа из окружения папиной бабки. Это все, что всплывает в памяти о проводах Устиньи Федоровны в другой мир.

Забылось бы и оно, если бы не события, которые буквально заставили меня вернуться в эти места.

После многих лет спокойной жизни, в которой я отучилась на врача, успела разочароваться в людях и бесплатной медицине, поработать косметологом в одном из модных косметологических салонов и даже пописать статьи про всякие новомодные процедуры в интернет-издании, прошлое начало неистово стучаться в двери.

Примерно год назад, мне начали сниться странные сны. Главная деревенская улица, утопающая в зелени, крепкие дома с резными наличниками, а рядом - люди в крестьянской одежде. Они выглядывают из-за своих шербатых заборов, смотря мне вслед, пока я, наблюдая во сне только свои босые ноги, шагаю прямо к родному дому. Не страшно, но не особо приятно.

Потом во снах начала являться сама прабабка. Она сидела за столом, накрытым разноцветной клеенкой, молча смотрела на меня и перемешивала в кружке нечто густое и черное, что-то совсем непохоже на чай.

Периодически звонила мать, которую также во снах дергала Устинья и просила посетить ее могилу. Как всегда, было особо не до этого. И времени, как часто у всех бывает, я не имела. Тогда мои предки подключили «тяжелую артиллерию».

Со своим отцом, внуком Устиньи Федоровны, я не общалась уже лет десять. Они с мамой развелись, и, хоть я с ним и не ругалась, разговоры и звонки со временем сами сошли на нет. Не стало даже дежурных поздравлений на дни рождения и Новый год. Друг для друга мы растворились во времени, будто и не были никогда не то, что родственниками, но даже просто хорошими знакомыми.

В июле, кажется в субботу, меня разбудил стук в дверь. Я сильно удивилась, увидев в глазок измученного и бледного отца. Когда он вошел в квартиру, я заметила, что его мягкие черты стали острее и больше, обрामив серыми синяками впавшие в лицо глаза. Поздоровавшись и заявив, что он пришел с миром и важным посланием, отец приземлился на пуфик в прихожей, упрямо отказываясь заходить дальше. Отказался даже от кофе, хотя в прошлой, некогда счастливой жизни, это был его любимый напиток.

Он долго смотрел в зеркало, игнорируя мои вопросы, а затем тихо спросил: «Ты видишь ее?».

- Кого? - опешила я.

- Эту старую ведьму! - крикнул он, тыча пальцем в зеркало.

Я растеряно закатила глазами. Отец никогда не имел проблем с психикой или алкоголем. Всегда казалось, что ежегодные медкомиссии и офицерские погоны станут его оберегом от сумасшествия. Однако передо мной сидел совсем чужой и безумный человек, который уверял меня, что в зеркале ему грозит пальцем мертвая бабка.

Пока я судорожно соображала, что делать, он продолжал:

- Она приходит ко мне во снах, мелькает в телевизоре, звонит по телефону!

- Мертвая прабабка? Вот женщины, все им лишь бы поболтать, - улыбнулась я и попыталась перевести разговор в шутку, но безумный взгляд отца меня остановил.

- Я знаю, что кажусь психом. Я и сам бы уже звонил в скорую, приди ко мне ты с такими рассказами. Но выслушай, она меня измучила.

Начал он издали. С того, что бабка его не любила и отчаянно ждала сначала дочку, потом внуку, а родились одни мальчики:

«И к отцу, и ко мне Устинья всегда была холодна. Это была не та бабушка, которая ждала внука с теплыми пирожками и наваристым борщом. Но да, каждое лето я был у нее. Мать работала на руководящей должности, отец военный – у кого есть время сидеть со мной. Как и соседские ребята, я копал, поливал, занимался со скотиной, но, выполнив все домашние дела я был волен делать то, что хочу.

- Хоть какая-то от тебя же должна быть польза, - бубнила она себе под нос, когда я, стоял над очередной грядкой.

Несмотря на холодность, она, конечно, никогда не обижала, вовремя кормила и даже пыталась радовать. Это выглядело сухо и нелепо, будто когда-то давно она без наркоза вырезала всю свою нежность, но периодически доставала ее из закровов и надевала ее на себя как узкое платье, сжимающее грудь и не дающее ни вдохнуть, ни выдохнуть.

Знаешь, как-то раз, она подарила мне игрушку – деревянного солдатика. Сделано это было так искусно, что даже играть с ним было жалко. Не знаю, почему он так въелся мне в память, может быть потому, что этим солдатиком потом стал я сам», - отец протяжно вздохнул, проведя ладонью по лицу сверху вниз и ухватившись за подбородок, будто пытался как можно сильнее вытянуть его, а затем, уперевшись правым плечом на белую обувничку, продолжил:

«Что удивительно, твою мать она приняла сразу, не то, что мою. Она отмечала сходство с собой, наверно. Особенно ее радовали черные смоляные волосы и бледная кожа Машки,

которая стала еще белее во время беременности. А может яркие карие глаза, в которых так хотелось утонуть.

Все она за ней ухаживала, помогала, а однажды позвала в уголок, вручила набранный в поле букет из таких синих цветов, Бог знает, как их называют, и попросила назвать дочь ее именем.

- Помирать мне скоро, близка не была я ни с сыном, ни с внуком. А так хоть память останется обо мне, буду жить в ней.

Машка согласилась. Да и я не возражал, имя-то красивое, необычное. Ты стала ее отдушиной и смыслом. Она брала тебя каждое лето с большим удовольствием, правда, когда ты приезжала, обрушивала на нас целый ворох деревенских суеверий. От домовых до оборотней. Потому и перестали отпускать тебя. Мать, конечно, возражала, но я настоял.

Бабка горевала, но там уже и ты подросла, стало не до деревни и настала пора университетских знакомств, экзаменов, свиданий. Забылась Устинья. Только вот она тебя не забыла. Ты наверно слышала, что городили деревенские на ее похоронах? О преемнице, обрядах ее. Я слышал об этом, будучи ребенком, но то, что она правда ведьма – не знал. А сейчас сам поверил. Вцепилась, старуха. Не отпускает, с ума сводит. Требуется, чтобы ты прибыла в деревню», - выпалил отец и с облегчением посмотрел на меня.

- Зачем? – спросила я, пытаюсь скрыть панику, накрывавшую меня тяжелым одеялом, от которого становилось больно дышать.

- Там есть что-то твое. Так она говорит, - сказал он и резко повернув голову в мою сторону, кинул, — Не спрашивай, что это, я понятия не имею.

После этого отец повернулся к зеркалу, вытянул шею и выпучил глаза, словно сумасшедший индюк заорал:

- Я передал ей! Передал! Уходи и не тревожь меня больше, карга».

Я боялась пошевелиться. Спровоцировать его на агрессию, крики, может быть драку. Однако высказавшись и прооравшись, он встал, поправил немного помятую куртку и, махнув мне головой, молча вышел из квартиры.

Держась за угол стены, я вытянула голову и боязливо посмотрела в зеркало. Конечно же, там показалось только мое испуганное лицо, приоткрытая в гостиную дверь и связка ключей, которая небрежно лежала на той самой обувничке.

«И когда успел ее положить туда», - подумала и я, протянув руку, взяла их и закинула в стоящую на соседнем комодке сумку.

Глава 2

- Совсем уже чокнулся! Вот до чего людей доводит одиночество. Дом, работа, никаких семейных связей, - щебетала мне в трубку довольная сумасшествием отца мама, - а вот в деревню, я бы на твоём месте съездила. Устинья завещала дом и все, то в нем находится тебе. А ты, за столько лет, ни то, что не продала эту рухлядь, но даже не разобралась там. Я бы уже давно перебрала все и сбавила лишнее, - отметила мать, напомнив и об ипотеке, и о трудностях с работой, и о тяжелых временах, которые всегда наступают.

«Может быть мать права и стоит уже отпустить прошлое и продать дом. Закрывать всю ипотеку вряд ли получится, но неплохую ее часть – вполне», - думала я.

В голове сразу всплыли картинки из детства – кусты малины, обвивающие участок, как колючая проволока, дикие яблони, на которых висели маленькие зеленые плоды на вкус как бумага, скрипящие половицы и эхо, уходящее далеко под горку и возвращающееся к тебе бумерангом.

Жалко было это потерять несмотря на то, что меня не было там уже много лет. Я понимала, что огород давно зарос бурьяном или той же малиной, а яблони давно уже не плодоносят. Перепахивать, рубить и строить я не смогу. Поэтому твердо решила, что, если за мое прошлое можно купить себе настоящее – глупо было бы этим не воспользоваться.

Мать торжественно пообещала прибыть в деревню через неделю и помочь максимально привести дом в порядок, отмечая, что вся надежда именно на него, ведь за разросшийся вокруг бурьян, люди точно попросят скидку.

Билет я взяла на завтра, а сегодня решила написать все, что от меня требовала редакция до конца недели. Однако спустя несколько часов, несмотря на несколько кружек кофе, меня начало отключать.

Мысли путались: отец, дом, деревня, призраки и робкие надежды на упрощение будущего. Я улеглась на кровать, как всегда, оставив свет в ванной. Он просачивался сквозь слегка приоткрытую дверь, смешиваясь с темнотой, как кофе с молоком. Сон пришел быстро. А там: снова деревня, снова дома, туман, в котором медленно начали появляться человеческие черты. Белое лицо со стертыми чертами и кошачий взгляд. А в них - насмешка и ехидство. Не видя губ, я по глазам понимала, что мне улыбаются, но добро было в этом взгляде или нет – понять не смогла.

Резко в глазах все заморгало, как в советском телевизоре во время помех, а потом на моем личном экране появилась встревоженная прабабка, которая била кулаком по столу и кричала: «вернись!», а после рухнула и расплзлась черной жижей в деревянные щели в полу.

Глава 3

В детстве я ненавидела вонючие автобусы. В те времена они напоминали железных бегемотов, представляя собой квадратное «туловище» и вытянутый «нос» с фарами-ноздрями. Махровые тесные сидения в жару прилипали к коже еще противнее, чем кожзам, он же тонкий полиэтилен, приклеенный на тканевую основу в пришедших после «бегемотов» ПАЗиках, и остающийся на ногах после получасовой поездки.

Каждый раз меня рвало в заранее заготовленные родителями пакеты. Зачем ребенка пытались накормить перед дальней дорогой – остается загадкой, должно быть это был какой-то древний ритуал. Однажды я так перенервничала в ожидании поездки, что простилась с обедом еще до нее. Кстати, в тот раз, путь до деревни был более комфортным, даже пахло не так противно, как обычно. Хотя, конечно же, дорогу «украшали» граждане, не признающие дезодоранты и вовремя принятый душ.

«Может быть в те времена эти средства гигиены стоили дороже или считались вредными?», - думала я, стоя на вокзале: «Ну нет, адептов естественности и сейчас вполне хватает в автобусах и троллейбусах», - спорила я сама с собой, заметив, что чаще всего это тучные мужчины, которые наряжаются в свитера даже в очень жаркую погоду.

Честно говоря, я не ожидала увидеть на маршруте тот же уставший ПАЗик, резко и с грохотом открывший переднюю дверь прямо перед моим носом. Запахи табака и старости сжигали весь кислород, несмотря на полностью открытые окна и даже люк на крыше.

Не изменился даже пассажирский состав. Будто одни и те же люди, застыли во времени вместе с этим ПАЗиком. Массивная бабка с тележкой, даже в июле нагруженной рассадой, небрежно отпихнула меня в сторону, тем самым наказав за нерасторопность при посадке, а седой сухенький старичок с белой бородой, одетый в классические черные брюки и посеревшую от старости льняную рубашку, отсчитывал медные монетки в своей тощей исполосанной венами руке. Автобус гудел, как улей пчел за работой. Именно под этот монотонный и густой шум, а также под мелькание картинок в такт ему, я провалилась в очередной странный сон, где на фоне уже осточертевшей мне деревни из пепелища выглядывает тоненькая детская ручка, сжимающая воздух и пытающаяся ухватиться за что-то, что вытянет ее обладателя из пепла времени и отчаяния.

Что интересно после того, как шум автобуса начал просачиваться в мой сон, движения начали замедляться, а потом и вовсе остановились, будто тот, кто управлял этой рукой понял, что за ним наблюдают и тоже начал прислушиваться к пространству.

Проснулась я уже почти на месте, рассматривая купола старой церкви. Продефилировав по дороге, полю и небольшому перелеску, я направилась к дому сквозь пустую деревню и, открыв большой навесной замок, сторожащий фамильный дом, погрузилась в сени скрипнув кривой половицей. Там все также стояли железные ведра, из которых я когда-то жадно черпала эмалированным зеленым ковшиком колодезную воду, а тарелки, кружки и другая утварь выглядели так, будто их только вчера поставили в открытую полку. Сквозь связанную крючком тюль сиротливо заглядывали в окна, стоящие чуть поодаль дровница и сарай, рядом с которым все также стоял козел для распила бревен, который я в детстве окрестила личным конем и скакала на нем с самодельным луком, сконструированным из гибкой веточки и вязальной нитки.

«Странно, что тут не побили окна и не унесли все, что не приколочено», - подумала я и осторожно открыла дверь в длинный коридор, соединяющий выход в комнатку и выход в огород.

«Ничего не видно», - подумала я и, подняв руку, щелкнула выключателем. Работает!

Огромная дверь, обшитая утеплителем и толстым кожаном, украшенным ромбами из толстой проволоки и длинных гвоздей, открылась без ключа, рассыпав в воздухе ореол пыли.

Светло-серая печь, а за ней - вышитые шторы – импровизированная спальня. Между печью и узкой железной кроватью - деревянный платяной шкаф с вырезанными узорами, а сразу напротив двери – большой диван. В былые времена его, при необходимости, разбирали в кровать. Рядом – пухлый холодильник «Бирюса», а над ним старые часы с кукушкой, которая выглядывала из своего окошка и большая рамка с кучей черно-белых фотографий. Центром интерьера был столик напротив окна, и, конечно, резной буфет. Я всегда мечтала поставить такой же на своей кухне именно из-за прекрасных воспоминаний об этом доме.

Я сфотографировала убранство на телефон и обратила внимание на то, что хотя дом и располагался на пригорке, связь тут не ловит. Предполагая такой исход, я заранее предупредила маму, а также коллег и знакомых, о том, что несколько дней я буду вне зоны доступа.

«Ну что ж, устройу цифровой детокс», - подумала я, подошла к своему любимому предмету мебели и начала его осматривать. Боковым зрением я заметила шевеление в окне и резко повернула туда голову. За стеклом мелькало сморщенное лицо с нависшими веками под широкими седыми бровями.

Выронив из рук спортивную сумку, я заорала, чему лицо очень удивилось, и, подняв свои веки выпрямилось, посмотрело на меня, а затем исказилось в тревожной гримасе, удаляясь от моего окна.

Когда я прекратила орать, то поняла, что лицо, а вместе с ним и все остальное туловище, хромает по сеним и коридору. Дверь в комнату открылась и в проеме, оперевшись на костыль, предстала невысокая кругленькая бабулька в пижамных штанах и вполне себе нарядной блузке с массивными рюшами.

- Приехала преемница! Ну все, Устинюшка, не скучно тебе теперь будет! Принимай правнучку, - громко и гордо скандировала женщина в воздух и, взглянув на меня, спросила:

- А ты что без еды совсем? Все вещи в этой сумке?

- Да, - ответила я, - я ненадолго. Я продавать буду дом.

- А ненадолго уже не получится, да и дом ты не продашь – загадочно заулыбалась бабка, - Зинаида Кузьминична, будем знакомы.

- Что вы имеете в виду? Почему не получится?

- Я долго тебя ждала, - ответила она, проигнорировав вопрос, - Ты пока протри тут пыль, приберись, Устинья чистоту любит. А я пойду принесу еды, да и к чаю чего-нибудь.

Гостья ушла, а я, следуя ее наставлениям, подмела в доме, протерла пыль и принесла воды из колодца. Он находится чуть ниже дома, за небольшим оврагом и болотом. Поговаривают, что оно раньше было одним из нескольких озер, которые обустроили помещики, жившие тут до революции. Их дом, к сожалению, почти разрушился, но раньше там был летний лагерь,

поэтому территория кишела детьми, которые играли в футбол, купались в озерах и ходили в лес. Я это видела, когда была маленькой и жутко завидовала находящимся там детям, хотя подойти и познакомиться с ними стеснялась.

Сама деревня представляла собой самое обычное селение из нескольких десятков домов, которые каждый год сиротели и ветшали, оставшись без душевного тепла. Длинная улица, по двум сторонам строения, как жилые, так и хозяйственные. Последние могли находиться даже не на территории дома, а через дорогу или за огородом. Многие также использовали поля за участком, засаживая их картофелем. Особенно это было распространено в 90-е. Подобный самозахват в те времена помог выжить сразу нескольким семьям нашей родни. Колодец не у каждого дома, идти – прилично. В такие прогулки мне вспоминалась экскурсия, где рассказывали о быте крестьян. В определенный день, не помню какой, после церкви все шли к колодцу, где женихи присматривали себе невест. Я тогда вспоминала те огромные деревья, куполом склоняющиеся над колодцем, сырость и будто выжженую черную землю, обрамлявшую его и думала, чем же такое место заслужило статус самого романтического в поселении.

Я еще раз взглянула на узкие купола церквушки, которые украдкой смотрели в окно из-за деревьев, и подумала, сколько же людей тут осталось, если церквушка, возвышающаяся над деревней все еще востребована.

- Церковь наша очень сильная, - прервала мои мысли Кузьминична, - да и никак тут без нее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.